

43. Трепавлов В. В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» / В. В. Трепавлов // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань: Фэн, 2010. – С. 136–171.
44. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана / Н. С. Трубецкой. – М., 1999.
45. Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Фёдоров-Давыдов. – М., 1973.
46. Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1968.
47. Фёдоров-Давыдов Г. А. Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) / Г. А. Фёдоров-Давыдов // Средневековые древности Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 1992.
48. Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. / Э. Хара-Даван // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Инсан, 1996.
49. Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства / М. Г. Худяков. – Казань: Магариф, 2004.
50. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589 / D. Ostrowski. – Cambridge, 1998.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Е.Н. Мошелков
(Россия, Москва)

Статья посвящена анализу развития модернизационных процессов в России XVIII – начала XXI в. Автором отмечается важность понимания исторических процессов, содержащих аналогию современных модернизационных изменений. Успех любой политической реформы во многом зависит от того, насколько адекватно власть и общество усвоили и оценили уроки прежних реформ и революций.

The article analyzes the development of the modernization process in Russia XVIII – early XXI centuries. The author notes the importance of understanding the historical processes that contain the analogy of modern modernization changes. The success of any political reform depends largely on how adequately government and society have learned the lessons of former reforms and revolutions.

Ключевые слова: модернизация, Россия, реформы, революция, политика, экономика, власть, государство, национальный исторический опыт, компаративизм.

Key words: modernization, Russia, reform, revolution, politics, economics, government, state, national historical experience, comparativism.

Прошло больше года с того момента, когда Президент РФ Д.А. Медведев сначала в своем ежегодном (2009) Послании Федеральному собранию, а затем в статье «Россия, вперед!» провозгласил *модернизацию* страны главным лозунгом и стратегической целью современного национального развития. Но вопросы «что делать?» и «как делать?» для реализации этой задачи, дискутируются и по сей день.

Оставим в стороне критику самого термина «модернизация». Укажем только, что теория модернизации (в рамках которой и стал активно использоваться искомый термин) была разработана в мировой политической и социологической науках в 1950–1960-е гг. Эта теория описывала процесс перехода общества от доиндустриальной (аграрной, традиционной) стадии развития к индустриальной и постиндустриальной и в основном предназначалась для описания процессов в странах «третьего мира». Позднее в политическом (прежде всего, в околонучном) дискурсе понятие «модернизация» стало приобретать более широкие смысловые значения. Под модернизацией стали понимать всякое усовершенствование, обновление, улучшение общественных систем, а более конкретно – преодоление экономико-технологического отставания определенных стран от наиболее развитой в экономическом отношении части мира. Именно в этом значении (или близкому к этому) термин «модернизация» применяется и сейчас для обозначения и характеристики намеченных преобразований в России.

Но не будем концентрировать внимание на понятийной стороне вопроса, тем более, что научные политологические и социологические термины в современных

условиях уже давно смешались с обыденным и массовым политическим языком и его понятийным рядом. Отметим другой любопытный и малообъяснимый факт: в современных дискуссиях о предстоящей модернизации очень мало вспоминается и анализируется национальный исторический опыт модернизаций, многочисленные попытки прежних российских властей модернизировать общество, сделать его более управляемым и эффективным.

А ведь один из парадоксов отечественной истории состоит в том, что традиционализм, отсталость многих сторон общественной жизни в России сочетается с почти непрерывными преобразованиями («модернизациями»). В исторической литературе о России понятие «реформа» является одним из наиболее часто употребительных, а нередко встречаются и такие понятия как «полоса реформ» или «периоды реформ». Автору настоящей статьи в свое время пришлось специально анализировать и сравнивать эти процессы в историческом интервале с начала XVIII в. по начало 20-х гг. XX в., выделив в этот период, по меньшей мере, пять случаев преобразовательной активности. Тогда же нами был сделан вывод о том, что все эти преобразования следует разделить на два исторических типа: 1) *реформа-революция*, или просто *революция*; 2) *внутрисистемная реформа*, или просто *реформа* [6, с. 33–53]. Для наглядности основные исторические факты и характеристики этих двух типов преобразовательных процессов представлены нами в виде таблицы.

В чем заключается главное отличие революций (или реформ-революций) от внутрисистемных реформ? Это отличие состоит в том, что в первом случае наряду с глубокими социально-экономическими преобразованиями происходила смена государственного строя, тогда как во втором случае такие преобразования проводились в рамках существующей государственной системы и серьезно не затрагивали ее основы.

Разумеется, что очередная российская модернизация начала XXI в. в нашей исторической классификации полностью укладывается в рамки внутрисистемных реформ и поэтому, анализируя национальный модернизационный опыт прошлого, нам целесообразно обратить внимание на преобразования именно этого типа, и прежде всего на реформы Александра II 1861–1874 гг., которые не случайно вошли в историю с характеристикой «великие».

Таблица

Основные исторические факты и их характеристики

Тип преобразований	Принятое название преобразований	Исторические рамки	Основные преобразовательные мероприятия
Революция	<i>Преобразования Петра I («Петровская революция»)</i>	Первая четверть XVIII в.	<ul style="list-style-type: none"> • изменение политической системы (сословно-представительная монархия → абсолютная монархия); • смена господствующего класса (боярская аристократия → дворянство); • ломка экономической системы (удельная собственность → этатисткое государство с элементами рыночного хозяйства)
Внутри-системная реформа	<i>Преобразования Александра I</i>	1801–1820 гг.	<ul style="list-style-type: none"> • указ о вольных хлебопашцах (1803); • проекты Сперанского (1803–1809). Образование Государственного Совета (1810); • открытие университетов и гимназий; • государственная Уставная грамота Российской империи (1819–1820; проект Новосильцева). Конституционная хартия Польши (1815)

<p>Внутрисистемная реформа</p>	<p><i>«Великие реформы»</i></p>	<p>60–70-е гг. XIX в.</p>	<p><u>«Пакет реформ»:</u> 1) Крестьянская (02.1861), 2) Университетская (01.1863), 3) Земская (01.1864), 4) Школьная (05.1864 и 1871), 5) Судебная (11.1864), 6) Печати или цензуры (04.1865), 7) Городовая (01.1870), 8) Военная (01.1874) + ряд финансово-хозяйственных преобразований</p>
<p>Внутрисистемная реформа</p>	<p><i>Реформы Витте–Столыпина</i></p>	<p>1903–1914 гг.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • реформа финансов (Витте); • манифест Учреждение Государственной Думы (1906). Политические свободы; • аграрная реформа Столыпина (1910–1911)
<p>Революция</p>	<p><i>«Социалистическое переустройство» (Большевистская революция)</i></p>	<p>Октябрь 1917–1920-е гг.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • изменение политической системы (аристократически-буржуазная «демократия» → диктатура пролетариата); • смена господствующего класса (дворянство, имущие классы → неимущие классы, партийно-государственная номенклатура); • замена экономической системы (рыночная экономика с элементами государственного регулирования → плановая централизованная экономика)

Замысел и тактический план реформы. Исторический опыт российских внутрисистемных реформ, особенно «великих реформ» 60–70-х гг. XIX в., свидетельствует о том, что исходным пунктом преобразовательных процессов является, во-первых, общий замысел реформ («что мы должны изменить?» и «каких результатов должны добиться?»), а во-вторых, (и это главное) масштабная и разноплановая подготовительная работа по выработке конкретных проектов «пакета реформ», составление плана их реализации по времени и порядку их следования. Этим, кстати, внутрисистемные реформы отличаются от революций, где реформационный процесс имеет хаотическое развитие, является, как правило, грандиозной социальной импровизацией, путем сплошных «проб и ошибок». Так, например, характеризовал еще в XIX в. петровские преобразования П. Милюков: «Самый характер всей этой изложенной реформы показывает, что она не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные нужды времени, и для удовлетворения ограничился тем, что попало под руку» [5, с. 735]. Такой же импровизацией через 200 лет стали и большинство мероприятий большевиков, которые «на другой день после социальной революции» очень слабо себе представляли, что нужно делать. Особенно это касалось экономической сферы.

В отличие от этих революций, внутрисистемные реформы XIX в. проводились как раз на основе серьезного и длительного «теоретического обсуждения». Так подготовка реформ 60–70-х гг. началась в январе 1857 г. (за четыре года до проведения первых реформационных мероприятий) созданием Секретного комитета, состоящего из высших государственных сановников, позже был создан еще Главный комитет. Эти органы работали в закрытом режиме, но имели постоянные контакты с органами дворянской корпорации по всей империи. В задачу этих органов входило не только выработка конкретных проектов крестьянской реформы, но и зондирование и анализ многочисленных мнений и оценок, которые существуют в обществе, прежде всего в периферийных районах страны. В марте 1859 г. были созданы так называемые «редакционные комиссии», состав которых был существенно расширен и который включил в себя представителей различных слоев общества [3, с. 208–210, 216–221].

Редакционные комиссии, которые оказались в центре ожесточенной политической борьбы между различными социальными силами, тем не менее, проделали огромную подготовительную работу. Крупный историк начала XX в. А. А. Корнилов приводит следующие данные: «10 октября 1860 г. редакционные комиссии были закрыты, проработав без отдыха около 20 месяцев и выработав проекты 16-ти положений и объяснительными записками, указателями и проч. Печатные доклады отделений, журналы общего присутствия комиссий, своды проектов губернских комитетов и прочие труды редакционных комиссий составили 18 объемистых томов (в первом издании) и сверх того 6 томов ... статистических сведений о помещичьих имениях выше 100 душ, не считая трех огромных томов замечаний депутатов губернских комитетов...» [3, с. 221].

Такие подготовительные работы проводились не только по крестьянской, но и по земской и другим реформам. Тем самым, приступая к практической реализации реформаторских замыслов в начале 1861 г., реформаторы не только точно знали, что, когда и как нужно делать, но и располагали полной информацией об отношении различных слоев общества в различных частях империи к предстоящим реформационным мероприятиям.

Одним словом, с точки зрения замысла и тактического плана внутрисистемных реформ, можно выделить две их главные характеристики.

1. Реформационные мероприятия должны быть заранее продуманы, спланированы по времени и по порядку их реализации (поэтапность) и – что является чрезвычайно важным – должны быть заранее согласованы с ожиданиями и настроениями общества, различных его социальных групп.

2. Реформы должны быть не только поэтапны, но и постепенны, сориентированы на достаточно длительную перспективу. Внутрисистемные реформы – это не годы, а многие годы, десятилетия; они не могут подстраиваться под политическую повседневность, под избирательные циклы и т.п.

Посмотрим теперь через призму рассмотренных исторических опытов и примеров на то положение, в котором находятся нынешние реформаторы, преступая к новой, очередной российской модернизации?

К сожалению, говорить о каком-то хорошо продуманном и спланированном во времени и пространстве замысле современной модернизации не приходится. Более того, нет даже четких стратегических установок. Один из известных современных аналитиков А. Ципко оценивает сложившуюся ситуацию следующим образом: «... До сих пор команда реформаторов не сумела решить самую простую задачу: сформулировать нормальным человеческим языком стратегию спасения России» (*Независимая газета*. 20 октября 2010 г.). Не знаю, является то, о чем говорит А. Ципко «самой простой задачей», но то, что это является исходным пунктом на пути любой внутрисистемной реформы, сомнения не вызывает.

Экономические и политические компоненты реформы. В современных дискуссиях одной из центральных тем является вопрос о соотношении экономических и политических аспектов предстоящей модернизации. Иногда ставится вопрос следующим образом: возможна ли экономическая модернизация без политической? Если невозможна, то что должно следовать вначале, а что потом?

Исторический опыт прежних российских модернизаций однозначно свидетельствует о том, что обозначенный выше спор сродни знаменитому спору «о курице и яйце». Преобразования в социально-экономической сфере не могут быть успешными, если они будут сведены только к технологическим, финансовым и организационно-управленческим мероприятиям. Серьезные и глубокие социально-экономические изменения всегда имеют политическую составляющую, так как неизбежно приводят к изменениям статуса и влияния различных слоев общества, а значит, приводят к изменениям в отношениях «гражданское общество – государство», «гражданин – власть». И эти политические изменения в ходе внутрисистемных реформ надо предвидеть, ими нужно уметь управлять, создавая новые и адекватные формы взаимоотношения власти и общества.

В период «великих реформ» XIX в. данный вопрос решался следующим образом: экономические изменения в сфере землевладения и землепользования (основной сектор тогдашней российской экономики) органично по времени и по существу совмещались с политическими изменениями в управлении этими формами, прежде всего с кардинальными изменениями в *системе местного управления и самоуправления*¹. Достаточно отметить, что из восьми реформ три прямо были связаны с реформированием этой системы (крестьянская, 1861; земская, 1864 и городская, 1870). В результате этих реформ в стране была создана не только форма крестьянского самоуправления на уровне общины как главной и основной ячейки народной жизни, но и новая внесловная система земского самоуправления на уровне «уезд-губерния».

Наряду с реформами местного управления и самоуправления другой важной линией реформирования общества были реформы в *сфере образования, воспитания, в духовно-идеологической сфере*. Этому были посвящены три реформы (университетская, 1863; школьная, 1864, печати и цензуры, 1865). В совокупности эти три реформы создали в указанной сфере невиданные ранее свободы и возможности для профессиональных корпораций, преподавания новых дисциплин, публикации самых разных взглядов и концепций в открытой печати.

Наиболее серьезные демократические изменения произошли в результате судебной реформы в *области правосудия*, куда были привнесены такие процедуры как суд присяжных, гласность судебных процессов и т.д.

Наверное, нелишне напомнить, что все перечисленные выше реформационные мероприятия были осуществлены в условиях авторитарного государственного режима.

Описанные выше политические изменения в ходе внутрисистемных реформ затрагивают, прежде всего, систему горизонтальных связей – систему местного управления и самоуправления, взаимодействие между регионами и общественными организациями и т.п. Следует отметить, что тема горизонтальных политических изменений в рамках предстоящей модернизации, и прежде всего перемен в сфере местного самоуправления, звучит сейчас очень слабо. Хотя, казалось бы, общее понимание проблемы в верхах власти существует. Один из руководителей Администрации Президента РФ В. Сурков говорит: «Развиваться должна, конечно, и политическая реформа. Часто технологическая модернизация и политическая противопоставляются, но я бы не стал делать этого, а то получается глуповатое противопоставление – что важнее технология или парламент?»². Все правильно. Остается только понять, какое содержание вкладывается в понятие «политическая модернизация». Исторический опыт свидетельствует, что у этой модернизации существует два уровня – горизонтальный (местное самоуправление, система гражданского общества и т.п.) и вертикальный (система государственной власти, «парламент»). Начинать надо, конечно, с горизонтальных политических связей. Именно это у нас всегда в новейшей истории, в том числе и последних двух десятилетиях, удавалось очень плохо.

В связи с этим уместно вспомнить брошюру А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?». В сентябре 2010 г. исполнилось 20 лет со дня выхода этой брошюры в свет. В печати по этому случаю публиковались различные материалы, в том числе и воспоминания самого А.И. Солженицына в целом о негативной реакции властей на его предложения, а среди них были предложения по улучшению таких фундаментальных, по мнению писателя, вопросов как «местная жизнь, провинция, земельная собственность, школа и семья». А.И. Солженицын тогда с горечью писал,

¹ Примечательно, что французские дипломаты, которые находились в России в период «Великих реформ» в своих донесениях в Париж происходящие на их глазах события (крестьянская, земская и др. реформы) без всяких оговорок называли «политическими преобразованиями Александра II». Наверное вряд ли стоит доказывать, что французы того времени были людьми весьма сведущими в политике [10, с. 143, 144, 146 и др.].

² Как известно, В. Сурков имеет самое непосредственное участие к разработке стратегии и тактики предстоящей модернизации и поэтому его высказывания имеют большое значение для правильного понимания умонастроений среди руководителей модернизации // Независимая газета. – 2010. – 1–2 ноября.

что тогда его, к сожалению, «не услышали». «Государственные размышления, – констатировал он, – это что-то слишком преждевременное для нас» [8, с. 6]. Сказано это было 20 лет назад. А появились ли сейчас лидеры, способные на государственные размышления? Хочется верить, что, да.

Появление в ходе реформ новых общественно-политических сил. В ходе внутрисистемных реформ в силу изменений в политических горизонтальных связях и появления новых социально-политических структур и организаций с необходимостью появляются новые общественные силы и движения. Они вызваны к жизни реформой и поэтому закономерно несут в себе преобразовательный заряд, стремление изменить и улучшить общественный порядок.

В 60–70-е гг. позапрошлого века такой новой силой стало возникшее в результате кардинальных перемен в укладе крестьянской жизни, в местном управлении и самоуправлении городом и деревней, земское движение. Может быть самым слабым местом тех реформ, что в конечном итоге привело к пагубным контрреформам, и стало то, что государственная власть на протяжении нескольких десятилетий так и не смогла найти конструктивную форму сотрудничества с этим движением, использовать положительный и созидательный потенциал этого движения для развития общества. Правительство своей излишне жесткой позицией по отношению к достаточно умеренной оппозиционности некоторых земских лидеров упустило шанс обрести в лице земства широкую социальную опору реформ. Земство в массе своей было лояльно настроено к правительству, готово было поддержать его усилия по борьбе с революционными движениями. С самого начала и на протяжении многих лет земство занималось по преимуществу хозяйственными и социальными вопросами. Политические требования внутри земского движения появились и стали выходить на передний план лишь спустя 10–15 лет после земской реформы, когда стало понятным, что само правительство неспособно на логически вытекающие из крестьянской, земской и судебной реформ преобразования государственной системы. Один из современных исследователей земской реформы 1864 г. Ф.А. Петров в своей статье приводит слова основателя специальной газеты «Земство» Б.Ю. Скалона (1880), которые точно отражали умонастроения земских деятелей и которые ждали, что «за упорядочением местного самоуправления и весь государственный строй подвергнется преобразованию» и правительство призовет земских представителей «на более важные посты в области правительственной деятельности» [7, с. 208].

Думается, что движения, подобные земским, неизбежно возникнут и в ходе предстоящих преобразований, если только эти преобразования не будут носить поверхностного и декоративного характера. Появление таких движений необходимо для обеспечения массовой организованной поддержки модернизации. Эти движения возникнут не вместо политических партий, их главной задачей станет хозяйственная и социальная работа на уровне низовых ячеек общества¹. Они станут дополнением и подкреплением партийной системы, некоей плотной социально-политической сетью, обеспечивающей связь населения и власти. Существующая многопартийная система эту роль выполнить не сможет, так как она не отражает специфику настроений и интересов различных слоев российского общества. Большинство программных положений различных партий, по сути, идентичны и рассчитаны часто на краткосрочную предвыборную перспективу, на провозглашение популистских целей, без определения средств, способов и даже сроков их реализации. Интересы этих массовых движений и лидеров успешных реформ по определению совпадают. И это нужно только поддержать и развить.

Социальная поддержка и необратимость реформ. Реформы 60–70-х гг. XIX г. по своему замыслу, а главное – по практической реализации, затрагивали интересы практически всех слоев тогдашнего российского общества. Каждому из этих слоев в

---

¹ То, что существующая система местного самоуправления не работает, свидетельствуют многочисленные факты бандитского беспредела в разных регионах России, прежде всего на уровне села и мелких городов, которые стали достоянием гласности в самое последнее время.

результате этих реформ предполагалось изменение положения дел в лучшую сторону. Огромные массы крестьянства получали юридическую и экономическую свободу и возможность включиться в более передовую и эффективную систему землепользования, землевладельцы (бывшие помещики) получали лучшие земли, которые могли использовать для получения прибыли в более совершенных формах, чем ставший уже обременительным труд крепостных, жители городов и интеллигенция получала свои новые возможности и свободы. Поэтапный план реализации реформ предполагал и последовательное включение в реформаторские процессы и различные слои населения.

Опыт реформ XIX в. показывает, что оптимальным является трехступенчатый порядок подключения социальных слоев общества в преобразовательные процессы. Для этого необходимо выделить три основных слоя российского общества, которые по своему статусу и интересам внутренне мотивированы на модернизацию: *первый* – управленческая бюрократия (без управления «сверху» внутрисистемные реформы невозможны); *второй* – предпринимательская, научно-преподавательская и инженерно-менеджерская элита (без этого слоя у модернизации не будет инновационной перспективы); *третий* – широкие слои социально и профессионально активных граждан (без этого у модернизации не будет необходимого общероссийского масштаба). Подключаться к активному участию в модернизационных мероприятиях эти социальные слои должны не одновременно, а последовательно – от первого уровня к третьему. Только консолидация всех трех слоев общества (а произойдет это не сразу и не быстро) может дать достаточно устойчивый и долговременный импульс, запустит двигатель модернизации.

Но когда различные слои общества будут включаться в модернизацию? Только тогда, когда мероприятия модернизации будут приносить выгоду этим слоям, приводить к заметному улучшению их жизни. В 60–70-х гг. позапрошлого века при всех издержках этого добиться в целом удалось, поскольку мероприятия реформы стали выгодны не только основному сословию тогдашнего российского общества – крестьянству, но и университетской и литературной интеллигенции, городским жителям, не говоря уже и о правящем классе – дворянстве.

Сегодня данная реальность вроде бы осознается реформаторами. В. Сурков, выступая на международной конференции «Социальное измерение модернизации», высказал следующую мысль: «Модернизацию удастся сделать успешной лишь тогда, когда россияне почувствуют от нее личную выгоду» (Независимая газета. 2010. 1–2 ноября).

Но как обстоят дела на самом деле? Многие аналитики с тревогой отмечают то обстоятельство, что среди современных россиян неуклонно падает доверие и авторитет государственной власти, нарастает скепсис по отношению к органам власти разных уровней, желание и осознание возможности влиять на положение дел в обществе. По данным социологических центров, около 85 % россиян считают, что они не в состоянии на что-либо влиять и что они не участвуют в политике¹. По мнению А. Ципко, «народ у нас на самом деле не верит власти и больше не связывает свое благополучие с ней. И это на самом деле, самое важное препятствие на пути модернизации»². А директор Института национальной стратегии М. Ремизов предварил уже упомянутую дискуссию о социальном измерении модернизации следующим положением: «Сегодня довольно остро стоит вопрос о том, как модернизационные инициативы президента соотносятся с ожиданиями и интересами социального большинства. Все чаще звучит мнение, что большинство не готово понять и принять про-

¹ По опросам Института социологии РАН «российское общество катастрофически мало доверяет как раз тем, кто призван сыграть в процессах модернизации ключевую роль и обеспечить торжество закона во всех сферах жизни». «Судебной системе страны доверяют лишь 19 % (не доверяют 53 %), правоохранительным органам доверяет каждый пятый, а отказывает им в доверии почти 60 % населения» (Российская газета. 2010. 1 декабря. С. 12).

² Независимая газета. 20 октября 2010: по данным Института социологии РАН сейчас (2010 г.) 60 % россиян верят в Бога, 35 % – в судьбу и 49 % – в самого себя. 10 лет назад (2000 г.) эти показатели составляли соответственно 47, 51 и 52 % (Известия. 2010. 29 октября. С. 9).

грессивных устремлений главы государства, и последнему стоит сосредоточиться на общении с "передовыми" группами общества» (НГ-Политика. 2010. 27 сентября. С. 9).

Но опора только на «передовые» слои может быть продуктивной только на первоначальных этапах модернизации, далее нужна массовая социальная поддержка.

Одним словом, по оценкам многих аналитиков, одним из самых больших препятствий на пути предстоящих реформ является зыбкая социальная база, слабая социальная поддержка модернизационных мероприятий, отсутствие четко выраженных социальных групп во всех трех, отмеченных выше, слоях российского общества, однозначно мотивированных на модернизацию, принимающих ее и считающих ее делом своей жизни, таких групп, которые, безусловно, были в конце 80-х – начале 90-х гг. при переходе нашей страны к демократии и рынку.

Только массовая социальная поддержка модернизации может задать ее необратимый вектор. А без такой перспективы и не стоит начинать. Многие исследователи истории России отмечают такую особенность (и даже закономерность) российских реформаций XIX в.: на смену реформам приходят контрреформы. Не отрицая циклические процессы в социально-политической динамике российского общества, выскажем и такое соображение: российские контрреформы, во всяком случае, их содержание во многом было обусловлено излишне радикальным характером предшествующих реформ, их несоответствием реальным условиям и возможностям общества. В этом случае поддержка власти может быстро и радикально измениться на противоположное.

Одним словом, провал реформ для социальной стабильности хуже, чем отсутствие реформ.

В октябре 2010 г. в интервью газете «Известия» директор Института социологии РАН М. Горшков, анализируя изменения, которые произошли в русском характере и массовом сознании россиян за последние 20 лет, отметил одно интересное явление. Несмотря на то, что терпимость остается коренной чертой российского населения, на то, что «ген терпимости», сформировавшийся у старших поколений, все еще передается молодежи, в широких слоях нового поколения россиян заметно начинает «снижаться градус терпимости». Одним словом, в обозримом будущем в России может появиться довольно много людей, которые «уже не будут терпеть» (Известия. 2010. 29 октября. С. 9). Вот об этом обстоятельстве нужно знать и постоянно помнить нынешним вдохновителям и руководителям очередной российской модернизации.

Внутрисистемная реформа и вопрос об изменениях в системе государственной власти. Исторический национальный опыт свидетельствует о том, что российские реформаторы должны быть готовы к тому, что даже в ходе внутрисистемных реформ наряду с политическими изменениями горизонтального уровня рано или поздно будет поставлен вопрос о политической вертикали, т.е. об изменениях в системе государственного управления на общероссийском уровне. Так, в ходе «Великих реформ», как минимум, трижды на поверхности политической жизни появлялись проекты усовершенствования системы высшей государственной власти (проекты П.А. Валуева, Великого князя Константина Николаевича и М.Т. Лорис-Меликова), путем образования представительного органа¹. Предлагалось создание двухпалатного совещательного парламента, по сути – дуалистической монархии, модель которой фактически и была реализована в 1906 г. Как известно, эти проекты (особенно, последний) находили поддержку у Александра II.

С конституционными проектами выступали и некоторые лидеры земского движения, предлагавшие «достроить» земскую систему до всероссийского уровня, созвав из делегатов губернских земских собраний Всероссийский земский съезд (Собор), на котором можно было бы избрать «Всероссийскую земскую управу» как представительный орган российского населения.

¹ На самом деле, идеи о «новой роли самодержавной монархии», о необходимости законодательной деятельности выборных представителей и т.п. высказывались (в частности, Н. Малютиным) еще в период подготовки реформ в 1856–1860 гг. [2, с. 158].

Но точку во всех этих конституционных поисках поставила бомба народовольцев, брошенная под ноги Александра II 1 марта 1881 г. После гибели императора происходит резкий и кардинальный поворот от идеи «общенародного представительства» и ограничения самодержавной власти к идее о «незыблемости самодержавия». Кто знает, может быть именно с этого момента и «пошли часы» катастрофических революций 1917 г.

А что сейчас? Казалось бы, понимание необходимости изменений в вертикальных связях, в системе общероссийского государственного управления у высших руководителей есть. И такие изменения должны затронуть все основные звенья государственной системы: президент, правительство, Госдума, Совет Федерации, региональные парламенты, избирательная система. Но достаточны ли эти изменения? Не носят ли они только косметический характер? Смогут ли они действительно создать систему власти, которая станет органичной оболочкой социально-экономической модернизации?

Ведь сегодня государственная система России основана на Конституции 1993 г., которая изначально была нацелена на успокоение и стабилизацию общества, прошедшего через полосу столкновений. Но сейчас совершенно другие задачи. Сейчас речь идет не о стабилизации, а о серьезных и глубоких изменениях.

Отношение внешнего мира к успешному сценарию российских реформ (исторический опыт). Приступая к модернизации нужно четко сознавать, что никто в мире (может быть кроме немногочисленных друзей) помогать укреплению России не будет.

Что привело Россию к 1917 г.? Безусловно, фатально нарастающий и обостряющийся общенациональный кризис. Суть и причина этого кризиса заключались в том, что в целом возрастающий и неуклонно укрепляющийся социально-экономический потенциал российского общества входил в противоречие с фактически застывшей системой государственного управления самодержавной монархии. Именно этот кризис и привел Россию к катастрофам 1917 г. Но нельзя отделаться от мысли (и это одна из моих версий событий начала XX в.), что Россию еще кто-то подталкивал к этим катастрофам и извне. Иначе откуда взялись тени каких-то иностранных агентов, маячивших за спинами убийц Столыпина и Распутина (самых влиятельных фигур предреволюционного периода); или, возьмите темную историю с немецкими огромными деньгами большевиков – главных противников традиционного российского порядка.

Успешное и ускоряющееся развитие России в начале прошлого века, огромной страны со стремительно возрастающим экономическим, военным и людским потенциалом, очень мало находило своих сторонников среди тогдашних великих держав. Очень опасно и наивно полагать, что столетие спустя, в начале XXI в., в условиях жесточайшей многовекторной и полицентричной конкуренции на мировой арене, кому-то из основных акторов этой арены нужна стабильная, эффективно развивающаяся и могучая в экономико-технологическом отношении Россия.

Реформы в России как реформы внутри уникального социума (теоретическая проблема). В современных дискуссиях о модернизации встает и целый ряд вопросов о природе российского общества, о сопоставимости этой природы с другими современными социальными системами. Это не новые вопросы. Они вставали перед реформаторами и в XIX в. Речь идет, прежде всего, о двух взаимосвязанных дилеммах: 1) Модернизация в России – это «догоняющее развитие» отсталой экономики при ориентации на стандарты развитых западных стран *или* это процесс, в котором органично должны быть соединены общественные общемировые достижения, с одной стороны, и уникальные основы и особенности национального развития, с другой?; 2) В результате успешной модернизации Россия станет органичной частью Европы *или* она останется самобытной и самодостаточной общественной системой («отдельной цивилизацией»)?

Россия никогда Европой не была и никогда ею не будет. Двухголовый российский орел всегда должен одинаково пристально вглядываться одной головой на Запад, а другой на Восток. И дело здесь не только в географическом и геополитическом расположении страны, в полиэтничности и многоконфессиональности. Хотя эти фак-

торы нельзя сбрасывать со счетов. Дело в том, что российский социум развивается по своим (отличным и от Запада, и от Востока) законам и матрицам.

Здесь мы сталкиваемся с одной из сложных и запутанных проблем общественной науки – проблемой критериев социального прогресса. С эпохи Просвещения в основу этого положен линейный показатель материального роста, через призму которого рассматривались все другие социально-экономические и политические показатели. Но возьмем, например, такой ключевой показатель для экономики как статус собственности в обществе. Один из крупнейших российских ученых первой половины XX в. С. Франк из российского исторического опыта выводил очень специфическую и показательную модель собственности «равно далекой как от либерально-индивидуалистического, так и от социалистического воззрения на собственность» и представляющую собой некую «третью систему», «средний, третий путь» [9, с. 326]. В этой системе, – по представлениям С. Франка – «частный собственник, оставаясь собственником, и именно в качестве такового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целомом организме народной жизни» [9, с. 327].

Понимание специфического характера исторически сложившихся форм и систем собственности в России показывает ограниченность западных либеральных и (неолиберальных) трактовок феномена «власть – собственность», которые формулировались преимущественно на основе линейно-прогрессивистской парадигмы исторического процесса, исходившей в эволюции общественных систем из единой матрицы общемирового социального прогресса (роста) и из безусловной доминанты экономического фактора, как основного критерия этого прогресса.

Но как быть с фактами российской истории? По экономическим показателям Россия всегда отставала от Запада. Но если взять такой важный показатель могущества любого государства, как военно-политические победы, то получается иная картина: на протяжении XVIII–XX вв. Россия постоянно одерживала верх в наиболее критических ситуациях противостояния держав на мировой арене. Начало XVIII в. – победа над Швецией, конец XVIII в. – победа над Турцией, начало XIX в. – над наполеоновской Францией, начало XX в. – вероятная победа над Германией в составе коалиции (Антанты), середина XX в. – разгром гитлеровской Германии.

В данном перечислении названы побежденные Россией державы, которые в определенное время доминировали в Европе и даже вынашивали планы мирового господства. Конечно, у России были и военные поражения, например, в Крымской войне или в русско-японской войне 1904–1905 гг., но на фоне стратегического успеха, который сопутствовал России на протяжении трех веков, эти поражения становятся исключением из правила.

Отсюда следует, что и определение могущества государства, и сама проблема достижения большей экономической эффективности должны анализироваться на основе более широкого набора параметров. На данную мысль наводит и общественный опыт других стран, являющихся, как и Россия, сложными и долгоживущими политическими и социокультурными системами. Так, один из исследователей современного Китая приходит к следующему заключению: «Кризис европоцентристской модели модернизации стимулировал – и в мире, и в Китае – стремление рассматривать проблемы развития в более широком плане: не только как экономические или политико-экономические по преимуществу, но, прежде всего, как коренящиеся в общем контексте культуры. Традиционному отождествлению развития с экономическим ростом было противопоставлено подчеркнутое внимание к роли духовных ценностей в определении темпов экономического роста и верификации его целей» [1, с. 72].

Процессы, происходящие в так называемой «полупериферии» развитого мира (Россия, Китай и др.), заставляют пересматривать некоторые базовые понятия политической науки, которые сформулировались преимущественно на базе социального опыта западноевропейских стран и адекватно могут описывать явления именно этого социума.

Так, например, целый ряд современных сравнительных исследований приводят к выводу о том, что трактовка этатизма как антипрогрессивного явления не соответствует реальным историческим процессам, которые происходили раньше и происходят сейчас во многих регионах мира [4, с. 59–93].

Таким образом, без глубокого понимания природы национальной матрицы социальной и политической динамики («власть – собственность»), особого статуса этих общественных феноменов в контексте российского исторического процесса, специфического характера их взаимосвязей невозможно понять механизма эволюции российского социума, переходно-преобразовательных процессов как в прошлом, так и на современном этапе.

* * *

Одним словом, приступая к модернизации, нельзя забывать об историческом опыте многочисленных перестроек и реформ, через которые прошла Россия за многие века своего существования. Конечно, времена меняются, с ними меняется и страна. Но исторические основы национального развития остаются. Это относится и к России и к другим мощным и долгоживущим общественным системам.

В этой связи следует согласиться с мнением В. Третьякова: «Прежде чем модернизировать русскую политическую систему, надо бы сначала изучить ее и понять, а не благодаря ли ей наша страна столетиями и без какой-либо иностранной поддержки и опеки, т.е. самодержавно, на что просто не способно абсолютное большинство других стран, держит и сохраняет для наших потомков эти гигантские и богатейшие пространства» (Известия. 2010. 30 сентября).

Итак, приступая к очередной российской модернизации, нужно «изучить» и «понять» национальный исторический опыт, который, на наш взгляд, следует рассматривать не каким-то дополнением и подкреплением нынешней модернизационной стратегии, а одним из ее базовых элементов.

Список литературы

1. Бергер Я. М. Модернизация и традиция в современном Китае / Я. М. Бергер // Полис. – 1995. – № 5.
2. Захарова Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории? / Л. Г. Захарова // Отечественная история. – 2005. – № 4.
3. Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. / А. А. Корнилов. – М., 1993.
4. Место и роль государства в процессе развития («Круглый стол») // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 12. – С. 59–93.
5. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб., 1892.
6. Моцелков Е. Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики / Е. Н. Моцелков. – М., 1996. – С. 33–53.
7. Петров Ф. А. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 гг. / Ф. А. Петров // Великие реформы в России. 1856–1874 : сб. / Ф. А. Петров ; под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992.
8. Солженицын А. И. Это была моя реальная попытка возврата на родину / А. И. Солженицын // Российская газета. – 2010. – 17 сентября. – С. 6.
9. Франк С. Л. Собственность и социализм / С. Л. Франк // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). – СПб., 1993.
10. Черкасов П. П. Политическая реформа Александра II в донесениях и отчетах посольства Франции в Санкт-Петербурге / П. П. Черкасов // Новая и новейшая история. – 2010. – № 3.